

рени играет не второстепенную, а равную с длительностью гласных роль.

Весьма интересны наблюдения автора диссертации в отношении относительной длительности конечных гласных слова, которая на 74% больше средней длительности звука в слове (стр. 38). При этом изменяются как ударные, так и безударные конечные гласные. Было бы интересно установить, какие именно гласные склонны увеличивать свою длительность в конце слова или по крайней мере какие гласные имеют большую склонность к увеличению длительности.

Не менее интересно наблюдение Л. В. Бобковой относительно увеличения длительности гласного в марийском языке перед переднеязычными согласными (стр. 57), звонкими и щелевыми (стр. 68).

Несомненно, большое практическое значение имеет четвертая глава диссертации, посвященная сравнению марийских гласных с английскими монофтонгами.

Особо следует отметить, что диссертантка экспериментально подтвердила точку зрения редколлегии книги «Современный марийский язык. Фонетика» (Йошкар-Ола 1960), высказанную в примечании (см. стр. 48), что гласный *a* в марийском языке является гласным не переднего, а смешанного ряда.

Рецензируемая работа не лишена и ряда недочетов. Так, на стр. 14 автор пишет, что в «марийском языке сохранились следы связи гармонии с ударением: если ударение падает на огубленный гласный, то конечный гласный тоже должен быть огубленным, а если ударение падает на неогубленный, то в конце выступает тоже

неогубленный гласный, т. е. уподобляется корневому гласному гласный абсолютного исхода слов». Действительно, сущность гармонии гласных заключается именно в уподоблении гласных непервых слогов корневому гласному слова. Совершенно верно, что марийский язык сохранил следы зависимости качества гласных непервых слогов от качества ударного гласного первого слога. Но в марийском языке гармония гласных в некоторой степени нарушилась и изменила свой характер, теперь и качество конечного гласного слова зависит от качества ударного гласного, но не корневого, ср. *аспиранту́рышто* 'в аспирантуре', *колхозла́ште* 'в колхозах'.

На стр. 3 Л. В. Бобкова называет «Черемисскую грамматику» (1837 г.) работой неизвестного автора, хотя, как известно, Ф. Васильевым установлено, что автор ее — протоиерей А. Альбинский.

Рецензенту не понятны табл. 66 и 76, первая показывает «относительную длительность ударных неначальных гласных», вторая — «относительную длительность ударных неконечных гласных». Графики по своему строению совершенно различны, хотя в их наименовании рецензент не видит различия, ибо неначальные и неконечные гласные — это те же гласные середины слова. Так чем же объяснить тогда различие данных?

Указанные недочеты не снижают значения рецензируемой работы. Она является ценным вкладом в марийское языкознание.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.2.15>

В. Г. Калашникова, *Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Глазов 1974.

14 июня 1974 года на заседании Ученого совета филологического факультета Тартуского государственного университета успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении)» старший преподаватель Глазовского педагогического института (Удмуртская АССР) В. Г. Калашникова.

Выбор диссертантом темы заслуживает всяческого одобрения, ибо ее работа является одной из немногих монографий, посвященных вопросам удмуртского синтаксиса.

Автор диссертации небезуспешно делает попытку установить типологию сложных предложений и более подробно останавливается на одном из типов — сложносочиненных предложениях в удмурт-

ском языке. Надо отметить, что она поставила и попыталась решить довольно трудные задачи.

Опираясь на обширный языковой материал из различных литературных источников и разговорной речи, В. Г. Калашникова рассматривает сочинение как особый вид связи, некоторые пути формирования союзных сложносочиненных предложений (преимущественно, выявляя происхождение сочинительных союзов), а также подробно описывает семантические и структурные особенности сложносочиненных предложений в современном удмуртском литературном языке.

Самым сложным для лингвиста было, очевидно, выявление истории формирования сложносочиненных предложений в удмуртском языке, так как ранние письменные памятники отсутствуют, а памятники XVIII—XIX вв. незначительны в количественном и качественном отношении, так как представляют собой переводы текстов церковного содержания, сохранивших на себе печать структурной организации русских оригиналов.

Поставленные задачи автор в основном выполнила. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В конце приводятся довольно обширный список (13 стр.) использованной литературы с условными сокращениями и список художественных текстов и периодических изданий.

Во введении обосновывается выбор темы, дается краткий обзор литературы по теме диссертации. Общетеоретические положения по вопросам сочинения и подчинения сложносочиненных предложений автор рассматривает в основном на фоне аналогичных работ по другим финно-угорским (в основном венгерскому) и русскому языкам.

Кратко излагая историю исследования удмуртского синтаксиса, В. Г. Калашникова останавливает внимание читателя на вопросах синтаксиса сложного предложения, так или иначе затронутых в литературе по удмуртскому языку.

Наиболее удачен анализ трудов Видемана¹, П. Глезденева² и некоторых дру-

гих. Однако отмечая ошибки в иллюстративном материале Видемана, автор, на наш взгляд, в правке предложений допускает некоторую вольность. Ведь вполне возможно, что в то время на соответствующем диалекте говорили именно так. Например, В. Г. Калашникова утверждает, что первая часть примера переведена Видеманом неверно, и дает исправленный вариант. Думается, что можно было упрекнуть Видемана лишь в ошибках графического характера, но не по содержанию. Ибо судя по написанию и переводу на немецкий язык, предложение выглядело так: *Улйз но луд чӧжен валче, воршудӧс но юрттӧзы солы* 'И жил он лишь с дикой уткой (у Видемана — животными), и ангелы помогали ему'.

Отмечая заслуги П. Н. Перевощикова и других лингвистов в решении некоторых вопросов удмуртского синтаксиса, автор справедливо указывает, что вопрос квалификации сложных конструкций в них имеет сугубо практический характер и отсутствуют четкие критерии различения типов сложных предложений.

Однако рецензенту непонятно, почему не указываются некоторые работы, посвященные непосредственно рассмотрению сложных предложений или затрагивающие вопросы сложного предложения. Думается, весьма оригинальную классификацию сложных предложений предлагает В. И. Алатырев (Синтаксический тип сложноподчиненных предложений. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967). Однако эта работа не анализируется и не упоминается в прилагаемом списке. Можно принять или отклонить авторскую концепцию, но вряд ли правильно обходить ее. Рецензент была бы благодарна В. Г. Калашниковой и за критический анализ своей работы³, хотя в ней рассматривались лишь некоторые сложноподчиненные предложения и параллелизмы, выражающие сравнительные отношения.

Неясно также, почему детальной критике подвергается старый школьный учебник 1969 г., когда уже с 1971 г. в школах республики занимаются по новому учебнику А. В. Конюховой и Р. И. Яшина.

³ Р. Яшина, Сравнительные конструкции в удмуртском языке, Ижевск 1963.

¹ F. J. Wiedemann, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval 1851.

² П. Глезденев, Краткая грамматика языка народа удмурт, Москва 1921.

ной, созданному в соответствии с новыми программами. В 1973 г. вышло его второе издание.

В I главе излагается история вопроса о теории сложного предложения; автор останавливается главным образом на монографических исследованиях по русскому синтаксису и частично по финно-угорским языкам, подробнее затрагивая лишь те работы, которые содержат оригинальные взгляды или приводят новые критерии для типологии сложных предложений.

Диссертант справедливо указывает на некоторые противоречия в изложении теории сложных предложений Н. С. Поспеловым (стр. 34), И. А. Поповой (стр. 36), упрекая последнюю в том, что она «не выделяет релевантных признаков структурной организации» сложносочиненного предложения. В докторской диссертации В. А. Белошапковой, посвященной сложным предложениям русского языка, В. Г. Калашникова выделяет, как весьма рациональное, определение сущности сложного предложения «как сочетания предикативных единиц, построенного по определенной структурной схеме и предназначенного для функционирования в качестве одной коммуникативной единицы».

Все виды связи в сложных предложениях удмуртского языка, а также характерные особенности сочинения диссертант разбирает на фоне достижений некоторых финно-угроведов (А. Клемма, К. Е. Майтинской и др.) и русистов (В. В. Виноградова, Н. С. Поспелова, И. А. Поповой, В. А. Белошапковой), соглашаясь с последними в определении сущности сочинительной связи.

Большую научную и практическую ценность представляют II и III главы диссертации. Во II главе рассматриваются сложносочиненные предложения, структура которых сформировалась на базе союзов *нош*, *оло*, *я*, *яке*, *не-не*. Несмотря на то что отсутствуют древние памятники письменности, где эти союзы выступали бы в более древних форме и функциях, автор все же делает выводы об их этимологии на основе данных самого удмуртского языка, его диалектов, близкородственного коми языка, а также русского и тюркских языков, с которыми издавна контактирует удмуртский язык.

Приводимые этимологии не вызывают сомнения, некоторые из них в лингвистике уже установлены.

Наибольшую значимость имеет III глава диссертации, в которой автор в синхронном плане анализирует сложносочиненные предложения с союзами *но* 'и', *не* ... *не* 'и ... и', *нош* 'а', *а* 'а', *я* ... *я* 'или ... или', *яке* ... *яке* 'или ... или', *оло* ... *оло* 'то ли ... то ли' и др. и союзными наречиями *собере* 'затем, потом', *озьы* *ик* 'также', *соин* и *соин сэрэн* 'поэтому, из-за этого'. Опираясь богатой языковой фактурой, В. Г. Калашникова устанавливает ряд семантических и синтаксических признаков сочинения, показывает уже сложившиеся основные модели построения различных типов сложносочиненных предложений, имеющих свои грамматические средства связи, семантические и формально-структурные особенности. Новым является и установление точных функций вышеуказанных союзов. Так, впервые убедительно доказывается, в каких случаях *но*, *нош*, *оло* совмещают функции союза и модальной частицы, а в каких выступают лишь в собственно союзной функции. Подмечаются и детально рассматриваются семантические особенности названных структурных единиц, показываются причины того, почему союз *но* интонационно примыкает то к первой, то ко второй предикативной единице сложносочиненного целого, правильно перечисляются случаи взаимозаменяемости некоторых сочинительных союзов, а также случаи, когда эта замена невозможна, т. е. наличию совершенно новой структурно-семантической единицы речи.

В конце работы приведены линейные схемы изображения структурных моделей сложносочиненных предложений, что, несомненно, может быть использовано в практике преподавания в вузе и в школе.

В этой же главе автор делает смелую попытку отнести к разряду сложносочиненных конструкций и сложные предложения с союзными наречиями *соин*, *соин сэрэн* 'потому, из-за этого', допуская, что они занимают промежуточное положение между сложносочиненными и сложноподчиненными, и указывая, что *соин* совмещает функцию анафорического местоименного наречия с функцией союза, выражающего причинно-следственные отношения. Более веских доказательств автор

не приводит, а поскольку в школьном учебнике указанные конструкции рассматриваются в ряду сложноподчиненных, то хотелось бы знать более определенное мнение диссертанта о типовой характеристике названных предложений.

Вместе с тем уже в I главе В. Г. Калашникова, перечисляя союзы, употребляющиеся в сложносочиненных предложениях, включает в их разряд такие, как *кызы ке — озыы ик, гинэ өвөл — но, көнэ ке — сомында ик, макем — сокем* (стр. 45). Однако попытка интерпретировать их отсутствует, не рассматриваются и сложные конструкции с этими союзами.

В школьном учебнике 1971 и 1973 гг. среди противительно-сопоставительных фигурирует и составной союз *со понна* 'зато', употребляющийся в сложносочиненных предложениях, совмещающих значения противопоставления и возмещения. В рецензируемой работе о них ничего не сказано, не отмечен и союз *со понна* 'зато'. Поскольку вышеназванные предложения все чаще употребляются не только в устной речи, но и в художественной литературе, это следует оценить как упущение автора. Вот несколько примеров: *Номыр уз луы, со понна соку асьмелы ваньмыз тодмо луоз* (Г. Красильников, Арлэн кутсконэз, стр. 15) 'Если пождем немного, с девочкой ничего не случится, зато нам все будет известно'; *Электротехникын ужаны мон али уг быгаты, со понна бумага вылын генераторлэзь схемазэ чик янгыштэк коть уйшор уин верало, уг сураськы* (его же, То-

нэн кылыско, стр. 18) 'Сейчас я не смогу работать электротехником, зато схему генератора на бумаге хоть в полночь покажу, не спутаюсь'.

Ничего не сказано и о сложносочиненных предложениях с заимствованным союзом *однако*. Несмотря на то что они имеют оттенок просторечия, писатели все же их используют, поэтому, нам думается, они должны были получить соответствующую оценку в диссертации.

В работе В. Г. Калашниковой встречаются противоречивые утверждения. Например, на стр. 6 заявляется, что совершенно отсутствуют работы по синтаксису сложных предложений, а чуть далее упоминаются работы П. Н. Перевощикова.

Отмеченные недостатки не снижают научного и практического значения диссертации. На основе богатого материала автор делает интересные наблюдения и приходит к правильным выводам, которые уже использованы при написании соответствующей главы научной грамматики удмуртского языка (Синтаксис сложного предложения, Ижевск 1974). Выводы В. Г. Калашниковой могут быть полезны и для сравнительной грамматики финно-угорских языков, ее труд может стать руководством для исследователей и преподавателей удмуртского языка, ибо в нем анализируются не только сложносочиненные предложения в современном языке, но и развясняются некоторые вопросы истории пермских языков.

Р. ЯШИНА (Ижевск)